
III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ЭПИГРАММА ПУШКИНА «НЕ ЗНАЮ ГДЕ, НО НЕ У НАС...» И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ*

В «Северных цветах на 1828 год» в составе пушкинских «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» была напечатана следующая эпиграмма, оформленная самим автором как незавершенная:

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким и пр.

Ей предшествовали такие соображения: «Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением,

* This work was funded by the EU's NextGenerationEU instrument through the National Recovery and Resilience Plan of Romania — Pillar III-C9-I8, managed by the Ministry of Research, Innovation and Digitalization, within the project entitled Networks of (Dis)similarities: The Circulation of Western Romance Literatures in Eastern Europe (NETSIM), contract no. 760075/23.05.2023, code CF 292/30.11.2022.

обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным» (XI, 55—56).¹

Эпиграмма состоит из трех фраз, соответствующих трем частям: история карьеры «лорда Мидаса», его характеристика, поведение его льстецов.

1

Первая часть, где говорится, что герой достиг высокого положения «ползком», — общее место французской эпиграмматики, вошедшее и в русскую сатирическую поэзию. Этот мотив имеется, например, в «Модной жене» И. И. Дмитриева:²

Пролаз в течении полвека
Всё полз, да полз, да бил челом.
И наконец, таким невинным ремеслом
Дополз до степени известна человека...³

Пушкинский стих «Ползком прополз в известный чин» вполне мог быть навеян дмитриевской строкой «Дополз до степени известна человека».

В 1824 году А. П. Глебов опубликовал такую эпиграмму:

Клит место получил, и всем он говорит,
Что он за местом не гонялся.
Охотно верим, Клит!
Гоняться ты не мог; ты — пресмыкался.⁴

Скорее всего, ее источником послужило следующее анонимное французское четверостишие:

Bergo disait un jour: Que l'on m'ôte mon poste,
Si j'ai pour l'obtenir seulement fait un pas.

¹ Подробный комментарий к эпиграмме см.: *Муравьева О. С.* «Не знаю, где, но не у нас...» // *Пушкинская энциклопедия: Произведения.* СПб., 2017. Вып. 3: Л—О. С. 316—319.

² См.: *Добрицын А. А.* О сюжетных истоках четырех сказок И. И. Дмитриева // *Русская литература.* 2007. № 2. С. 4—5.

³ *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 172 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁴ *Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975.* С. 248 («Б-ка поэта». Большая сер.).

Je le crois, dit quelqu'un habile à la riposte;
Quand on rampe, on ne marche pas.⁵

Этому катрену предшествовали также анонимное пятистишие «Типичный парвеню» («Le parvenu comme tant d'autres»)⁶ и восьмистишие Ж. Васселье (Vasselier; 1735—1798) «Злой ответ» («Mé-chanceté»)⁷ с той же самой пуантой; во всех трех стихотворениях зарифмован светский анекдот конца XVIII века:

On félicitoit le marquis de *** sur un régiment qu'il venoit d'obtenir. Il étoit en concurrence avec un parent de M. le duc de N<ivernois>. Le Marquis remercioit avec un air de grande modestie. Ce qui me flatte le plus, dit-il, c'est que je n'ai pas fait un pas pour l'obtenir. Je le crois, reprit vivement le duc de N... *Quand on rampe on ne marche pas.*⁸

Мотив слизняка, достигающего вершины ползком, варьируется еще в нескольких французских стихотворениях. Вот, например, окончание басни А. Рише (Richer; 1685—1748) «Петух и Слизняк» («Le Coq & le Limaçon»):

*Sais-tu fendre les airs? Non, mais je sai <sic!> ramper,
Répond le Limaçon. Avec cette industrie,
Est-il sommet si haut qu'on ne puisse attraper.*⁹

⁵ Petite Encyclopédie poétique, ou Choix de Poésies dans tous le Genres. Paris, 1804. Т. 3. Р. 45. Перевод: «Берго сказал как-то: “Пусть у меня отберут мою должность, / Если, чтобы ее получить, я сделал хоть один шаг”. / — “Я верю, — сказал некто, быстрый на возражение, — / Когда ползают, не шагают”. То же с заменой имени *Bergo* на *Nanteuil*: *Acanthologie*, ou Dictionnaire épigrammatique. [Rec. par J.-F.-M. Fayolle]. Paris, 1817. Р. 213.

⁶ Journal historique et littéraire. 1789. 1 Mars. Р. 349.

⁷ Vasselier J. Poésies. Paris, 1800. Р. 150.

⁸ Imbert G. La chronique scandaleuse, ou Mémoires pour servir à l'histoire des mœurs de la génération présente. Paris, 1784. Р. 16. Перевод: «Маркиза де *** поздравляли с только что полученным полком. Он соперничал с родственником герцога де Н<ивернэ>. Маркиз благодарил с видом крайней скромности. “Что мне больше всего льстит, — говорил он, — это что я не сделал ни шагу, чтобы его получить”. — “Верю, — живо возразил герцог Н..., — *Когда ползают, не шагают*”».

⁹ Richer H. Fables nouvelles mises en vers. Nouv. éd., corr. & augm. Paris, 1748: 214. Басня перепечатывалась в сборнике *Sallentin L. L'Improvisateur Français*. Paris, 1805. Т. 17. Р. 48. Перевод: «“Ты умеешь рассекать воздух?” — “Нет, но я умею ползать”, — / Отвечал Слизняк. С этим мастерством / Есть ли такая вершина, которой было бы невозможно достичь?»

Глагол вполне может быть переведен на русский как 'пресмыкаться'. Словарь Французской Академии дает такое значение:

RAMPANT <...> On dit figurément, qu'Un homme est rampant... pour dire qu'Il a l'âme basse, vile et méprisable.¹⁰

Как показывает приведенный выше анекдот, как в эпиграммах, так и в баснях под *rampant* не обязательно подразумевается человек низкого происхождения, пресмыкающийся перед сильными мира сего, чтобы сделать карьеру, — речь может идти о любом льстивом и подобоострастном карьеристе, даже знатном. Пушкинское стихотворение, направленное, как обоснованно считается, против графа Михаила Семеновича Воронцова (1782—1856), укладывается в эту французскую традицию.

Почему поэт называет адресата эпиграммы лордом Мидасом, вполне очевидно: звание лорда объясняется англomанией Воронцова, имя Мидас — тем, что Воронцов оказался неспособен распознать поэтический гений Пушкина, как Мидас был неспособен оценить божественное искусство Аполлона и предпочел ему более приземленное мастерство Марсия.¹¹

Пушкин, хорошо знакомый с поэзией Ж.-Б. Руссо (Rousseau; 1670—1741), мог помнить аллeгорию «Мидас» («Midas»). В ней Мидас оказывается окружен льстецами и наслаждается их неумеренными похвалами (в подобном поведении упрекали и Воронцова¹²).

Environné de Cliens mercenaires,
D'Admirateurs, amis imaginaires,
Qui tout le jour lui baifant le genou,
Surent le rendre enfin tout à fait fou.¹³

¹⁰ Dictionnaire de l'Académie française... 1762. Т. 2: L—Z. P. 533. Перевод: «Ползающий [пресмыкающийся] <...> Говорят фигурально: Человек пресмыкается, чтобы сказать, что он имеет душу низкую, гадкую и презренную».

¹¹ Заметим, что Л. де Клапье де Вовенарг говорит о Мидасе в разделе «Midas, ou le sot qui est glorieux» («Мидас, или Горделивый дурак»): «Le sot qui a de la vanité est ennemi né de talens» («Тщеславный дурак — прирожденный враг талантов») (*Vauvenargues L. de Clapiers de. Œuvres complètes*. Paris, 1806. Т. 1. P. 222).

¹² См. комментарий О. С. Муравьевой к эпиграмме «Полу-милорд, полу-купец...» в изд.: Пушкинская энциклопедия. Вып. 3. С. 185—186.

¹³ *Rousseau J.-B. Œuvres diverses*. Nouv. éd., rev. & augm. Londres, 1723. Т. 1. P. 411. Перевод: «Окруженный продажными клиентами, / Обожаемыми, ложными друзьями, / Которые, лобызая ему колени целыми днями, / Сумели наконец совсем свести его с ума».

Далее французский поэт описывает своего персонажа как человека низкого и при необходимости подобострастного («*Bas & rampant*», — здесь мы снова встречаем эпитеты ‘низкий’ и ‘пресмыкающийся’), а также высокомерного, что соответствует характеристике, данной Воронцову в пушкинской эпиграмме.

*Bas & rampant quand tout ne va pas bien,
Fier & hardi, dès qu'il ne craint plus rien.
Se retranchant sur ses prééminences...*¹⁴

2

Вторая часть, где скептически говорится о душевных качествах Воронцова и его уме, а затем нейтрально описаны манеры Воронцова, также имеет некоторые (пусть отдаленные) французские аналогии.

Можно сказать, что характеристика Мидаса по своей схеме напоминает портреты из «Мемуаров» Сен-Симона, но доведенные до предельной лаконичности.

Приведем для сравнения фрагменты портрета маршала Юкселя (*Huxelles*; 1652—1730), где говорится о его низости, робком уме, непригодности к войне, но в то же время о его тонкости:

Bas, souple, flatteur, auprès des ministres et des gens dont il croyoit avoir à espérer ou à craindre, dominant sur tout le reste sans nul ménagement <...>

Timide de cœur et d'esprit, corrompu dans le cœur comme dans les mœurs, jaloux, envieux, n'ayant que son but, sans contrainte des moyens, pourvu qu'il pût se conserver une écorce de probité et de vertu feinte <...>.

Avec de l'esprit et quelque lecture, assez peu instruit, et rien moins qu'homme de guerre, sinon quelquefois dans le discours <...>.

*Fin, délié, profondément caché, incapable d'amitié...*¹⁵

¹⁴ *Rousseau J.-B. Œuvres diverses. T. 1. P. 413.* Перевод: «Низкий и подобострастный, когда не все идет хорошо, / Гордый и смелый, когда ничего не нужно бояться, / Цепляющийся за свое первенство...».

¹⁵ *Saint-Simon L. de Rouvroy, duc de. Œuvres complètes <...> Pour servir à l'Histoire des cours de Louis XIV, de la Régence et de Louis XV... Strasbourg; Paris, 1791. T. 11. P. 14—15.* Перевод: «Низкий, гибкий, льстивый с министрами и людьми, на которых он мог надеяться или которых опасался, командуя прочими без всякого сочувствия <...>. Робкий духом и умом, с испорченным сердцем и нравами, ревнивый, завистливый, преследующий лишь свою цель, не стесняясь в средствах, если только удавалось сохранить вид честности и притворной добро-

Добавим еще несколько деталей портрета маршала Вильяма сына (le second Maréchal de Villeroy; 1644—1730). О прекрасных манерах, тщеславии и низости:

Il étoit magnifique en tout, fort noble dans toutes ses manières <...> glorieux à l'excès par nature, et bas aussi à l'excès pour peu qu'il en eût besoin, et à l'égard du Roi et de madame de Maintenon, valet à tout faire.¹⁶

О недостатке ума и неспособности к государственным делам:

C'est que j'ai su longtemps après de Torcy, qui étoit étonné au dernier point de la sottise en affaires d'un homme de cet âge si rompu à la cour; il étoit en effet si rompu qu'il en étoit corrompu. Il se piquoit néanmoins d'être fort honnête homme, mais comme il n'avoit point de sens, il montrait la corde fort aisément, aux occasions mêmes peu délicates, où son peu de cervelle le trahissoit.¹⁷

О неспособности к военному делу и об учтивости:

Il étoit brave de sa personne; mais pour la capacité militaire on en a vu les funestes effets. Sa politesse avoit une hauteur qui repoussoit...¹⁸

О тонкости младшего Вильяма герцог Сен-Симон ничего не говорит, но эта характеристика встречается в других портретах (например, маршалов Тессе и Таллара¹⁹).

детели <...>. Не без ума и некоторой начитанности, не слишком образованный, далеко не муж войны, кроме как иногда в речах <...>. Тонкий, проницательный, глубоко скрытный, неспособный к дружбе...»

¹⁶ Ibid. Т. 12. Р. 156. Перевод: «Он был великолепен во всем, с благороднейшими манерами <...> излишне тщеславный по природе и излишне низкий, чуть только это было выгодно, а по отношению к королю и мадам де Ментенон — лакей для любых поручений».

¹⁷ Ibid. Р. 158. Перевод: «Это я давно знал от де Торси, который был крайне изумлен деловой тупостью человека в таком возрасте и столь долго прозябавшего при дворе, — он там так долго прозябал, что прогнил. Он изображал, однако, весьма порядочного человека, но как ему недоставало ума, он легко обнаруживал свою сущность, даже в простых обстоятельствах, где его выдавал недостаток мозгов».

¹⁸ Ibid. Р. 159. Перевод: «Он обладал личной храбростью, но его неспособность к военному делу имела роковые последствия. В учтивости его было отталкивающее высокомерие».

¹⁹ См.: Elden D. J. H. van. Esprits fins et esprits géométriques dans les portraits de Saint-Simon: Contribution à l'étude du vocabulaire et du style. La Haye, 1975. Р. 100—101.

Разумеется, Пушкину не было надобности списывать своего Мидаса с придворных Короля-Солнца, но если он читал Сен-Симона, то вполне мог усвоить его манеру — она ощущается и в другой эпиграмме на Воронцова.²⁰ Маршал Юксель преследовал «лишь свою цель, не стесняясь в средствах, если только удавалось сохранить вид честности и притворной добродетели»; Пушкин называет Воронцова *полу-подлец*, к чему О. С. Муравьева дает комментарий, неожиданно сходный с Сен-Симоновым портретом Юкселя: «“Полу-подлец” — не брань, а злая, но выразительная характеристика человека, пытающегося одновременно и сохранять репутацию порядочного человека, и (если очень нужно) позволять себе непорядочные поступки».²¹

Сходный тип характеристики встречался и в пушкинское время. Например, в примечаниях, сопровождающих письма маркизы дю Деффан (du Deffant; 1697—1780) в издании 1824 года, о Ш. де Гонто, герцоге де Бирон (Gontaut, duc de Biron; 1562—1602), говорится как о человеке превосходном и добродетельном, но малообразованном и не острого ума, при этом обладавшем прекрасными манерами и подчеркнуто *учтивом*.²² Однако преувеличенная (аффектированная) учтивость могла рассматриваться и как попытка создать ложное впечатление о своих заслугах: «Избыточная учтивость — валюта людей, не имеющих заслуг» («Une politesse excessive, est une monnoie des hommes sans mérite»).²³ Так же могли выглядеть *сухость* и *важность*, отражавшие натянутость манер и горделивость:

Les manières empruntées sont ordinairement produites par la fausseté ou par l'orgueil. Le faux affecte les dehors de la vertu; l'orgueilleux emprunte les dehors des qualités de l'esprit, ou des talens qu'il n'a pas, ou des airs qui conviennent à un rang supérieur au sien.²⁴

²⁰ В библиотеке Пушкина имелось шеститомное издание «Mémoires du duc de Saint-Simon. Nouvelle édition, mise dans un ordre chronologique...» (Paris, 1826), причем разрезаны (и, видимо, прочитаны) были первые три сотни страниц первого тома (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 328. № 1345). Обращался ли Пушкин до того к более ранним изданиям «Мемуаров», вряд ли можно установить.

²¹ *Муравьева О. С.* Политика сквозь призму поэзии // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 16—17. С. 173—174.

²² *Lettres de la Marquise Du Deffant à Horace Walpole, depuis Comte d'Orford...* Nouv. éd. Paris, 1824. Т. 1. P. 144.

²³ *L'Homme de Lettres & l'Homme du monde*, Par Mr. D**** [Simon de Bignicourt]. Orléans, 1774. P. 114.

²⁴ [Isnard A. N.] *Catéchisme Social, ou Instructions élémentaires sur la Morale sociale à l'usage de la Jeunesse*, Paris, 1784. P. 319. Перевод: «Натянутые манеры

Наконец, в третьей части эпиграммы сказано, что льстецы Мидаса не знали, как его хвалить, и решили провозгласить его тонким.

Оборот «Не зная, как хвалить его» можно понимать двояко: а) они не знали, как еще (каким еще способом) его хвалить; б) не знали, какие заслуги ему приписать, чтобы похвалить, ибо хвалить его на самом деле было не за что. Скорее всего, верна вторая интерпретация: Мидаса невозможно было всерьез восхвалять ни за ум, ни за отвагу, ни за великие замыслы, осталось петть ему хвалы за «тонкость».

Русскому прилагательному «тонкий» соответствуют несколько французских слов, различающихся по смысловым оттенкам. Первое — *fin*, «тонкость» — *finesse*. Статья Ж.-Ф. Мармонтеля (Marmontel; 1723—1799) в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера («Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers») так определяет это понятие:

FINESSE (*Philosophie-Morale*) c'est la faculté d'appercevoir dans les rapports superficiels des circonstances & des choses, les facettes presque insensibles qui se répondent, les points indivisibles qui se touchent, les fils déliés qui s'entrelacent & s'unissent.²⁵

Далее Мармонтель объясняет на примерах разные оттенки «тонкости».

Un homme profond est impénétrable à un homme qui n'est que *fin*; car celui-ci ne combine que les superficies : mais l'homme profond est quelquefois surpris par l'homme *fin*; sa vûe hardie, vaste & rapide, dédaigne ou néglige d'appercevoir les petits moyens: c'est Hercule qui court, & qu'un insecte pique au talon.²⁶

происходят обыкновенно от фальшивости или горделивости. Фальшивый показывает видимость добродетели, горделивый изображает, будто обладает умом/остроумием, или талантами, которых на деле не имеет, или принимает вид, более подходящий лицу более высокого ранга».

²⁵ Перевод: «Тонкость (Философия, Мораль) — это способность подмечать в поверхностных связях обстоятельств и вещей почти нечувствительные, но отвечающие одна другой грани, неделимые точки касания, тонкие переплетающиеся и соединяющиеся нити».

²⁶ Перевод: «Человек глубокий непроницаем для человека, который всего лишь *тонок*, ибо последний оперирует лишь с поверхностными чертами. Но человек глубокий может иногда быть застигнут врасплох человеком *тонким*. Его смелый, всеохватывающий и быстрый взгляд пренебрегает замечать мелкие средства: это бегущий Геракл, которого насекомое жалит в пятку».

В «Энциклопедии» можно найти ряд различий понятия *finesse* и его синонимов. Один из них — «*subtile*» — употреблялся и как синоним прилагательного *fin*, но имел скорее отрицательные коннотации. В «Максимах» Ларошфуко слово *finesse* значит «хитрость, ловка (часто злонамеренная)». Например:

L'usage ordinaire de la finesse est la marque d'un petit esprit, et il arrive presque toujours que celui qui s'en sert pour se couvrir en un endroit, se découvre en un autre.²⁷

Заметим, что у Сен-Симона *finesse* употребляется в разных смыслах, как пейоративных, так и позитивных. Большая часть книги Дирка ван Элдена²⁸ посвящена этому понятию в «Мемуарах».

Одно из свидетельств отрицательных коннотаций понятия «тонкий» можно найти в «Альманахе муз на 1785 год», в стихотворении Ж. К. Руайю (Rouyou; 1745—1828) «Моему сыну» («*A mon fils*»: «*Tout honnête homme est franc; qui dit fin dit fripon*» («*Всякий порядочный человек откровенен: кто говорит “тонкий”, говорит “плут”*»)).²⁹

Как утверждает «Всеобщий словарь французского языка вместе с латинским», выражение *qui dit fin dit fripon* вошло в поговорку.³⁰ Но, как всегда при обсуждении тонких семантических оттенков, возникали разногласия, ибо единого и стабильного их понимания не было. Более позднее (шестое) издание того же словаря, вводя синоним «субтильность», утверждало уже иное: «*On peut être fin sans être fripon, on ne peut être fripon sans subtilité*» («*Можно быть тонким, не будучи плутом, [но] нельзя быть плутом без субтильности*»)).³¹

²⁷ Reflexions ou Sentences et Maximes morales de Monsieur de La Rochefoucault. Maximes de Madame la Marquise de Sablé... Amsterdam, 1705. P. 47. № 149. Перевод: «Обыкновение прибегать к [тонкой] хитрости — признак небольшого ума, и почти всегда тот, кто пользуется этим, чтобы прикрыть себя с одной стороны, приоткрывает другую».

²⁸ См.: Elden D. J. H. van. Esprits fins et esprits géométriques dans les portraits de Saint-Simon.

²⁹ Almanach des Muses. 1785. P. 233. Стихотворение неоднократно перепечатывалось и вошло в очень известную антологию: Petite Encyclopédie Poétique. Paris, 1804. T. 4. P. 78. Цитированный стих фигурирует в «Храме морали» — сборнике стихотворных сентенций, составленном Фревилем (Fréville A. F. J. Temple de la morale, ou Pensées gnomiques tirées des poètes français. Paris, [1794]. P. 165).

³⁰ Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue françoise, avec le latin. Paris, 1808. P. 16 [2e pag.].

³¹ Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue françoise, avec le latin et les étymologie. Paris, 1823. P. 16 [2e pag.].

У Фабра д'Эглантина (Fabre d'Églantine; 1750—1794) *fin* и *subtile* не различаются, совпадая именно в пейоративном оттенке, — поэт говорит о двух видах людей: «Les uns qui sont les FORTS, et les autres LES FINs» = «Одни — сильные, другие — тонкие». К этой строке он дает ссылку на старинное словоупотребление у Монтеня: «C'est de la plus subtile sagesse que se fait la plus subtile folie» = «Самое тонкое безумие происходит из самой тонкой мудрости». ³² Но в конце XVIII века *subtile* означает скорее «ловкий»:

SUBTIL, signifie aussi figurément, qui est adroit à faire des tours de main, sans qu'on puisse s'appercevoir de la manière dont il les fait. C'est un *fripou subtil*. Un subtil escamoteur. ³³

Возможно, Пушкин и не хотел сделать своего Мидаса плутом и пройдохой (ибо «можно быть тонким, не будучи плутом»), имея в виду под *тонкостью* скорее *finesse*, чем *subtilité*. Тем не менее это понятие имеет в эпиграмме отчетливо отрицательные коннотации, что ясно уже из соседствующих с ней размышлений Пушкина о тонкости, уме и гении:

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным (XI, 55—56).

Эти соображения заимствованы отчасти у французов. В довольно разработанной форме они имеются у Ш. П. Дюкло (Duclos; 1704—1772):

³² *Fabre d'Églantine Ph. F. N. Œuvres mêlées et posthumes*. Paris, An XI [1802]. Т. 2. Р. 44. На самом деле фраза Монтеня звучит несколько иначе: «Dequoy se fait la plus subtile folie que de la plus subtile sagesse?» («Что создает самое тонкое безумие и самую тонкую мудрость?») [https://fr.wikisource.org/wiki/Page:Montaigne_-_Essais,_Éd_de_Bordeaux,_2.djvu/154].

³³ *Le grand vocabulaire françois...* Paris, 1773. Т. 27. Р. 120. Перевод: «Тонкий означает также фигурально того, кто обладает ловкостью рук, так что невозможно заметить их действия. Это ловкий плут. Ловкий фокусник/шулер». Здесь имеет смысл напомнить также, что метафорические объяснения разницы между оттенками прилагательных, синонимичных *fin*, предлагал один из первых французских славистов, грамматик Габриэль Жирар: *Girard G. Synonymes François, leurs différentes Significations; et le Choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse*. 6e éd. Paris, 1742. Р. 159. О Жираре см.: *Mazon A. L'abbé Gabriel Girard, grammairien et russisant // Revue des Études Slaves*. 1958. Т. 35. Fasc. 1. Р. 15—56.

...la candeur est la première marque d'une belle âme. *La naïveté et la candeur peuvent se trouver dans le plus beau génie*, et alors elles en font l'ornement le plus précieux et le plus aimable.

Il n'est pas étonnant que le vulgaire qui n'est pas digne de respecter des avantages si rares, soit l'admirateur de la finesse de caractère, qui n'est souvent que le fruit de l'attention fixe et suivie d'un esprit médiocre que l'intérêt anime. *La finesse peut marquer de l'esprit; mais elle n'est jamais dans un esprit supérieur, à moins qu'il ne se trouve avec un cœur bas. Un esprit supérieur dédaigne les petits ressorts, il n'emploie que les grands, c'est-à-dire les simples.*³⁴

Дюкло совпадает здесь с д'Аламбером:

Il en est du style comme du caractère; la grandeur & la finesse y sont incompatibles...³⁵

Заметим, что пушкинское противопоставление тонкости и откровенности повторяет цитированный выше стих Руайу: «Всякий порядочный человек откровенен, кто говорит “тонкий”, говорит “плут”». Простодушность гения также являлась общим местом французской словесности, о чем свидетельствует «Новый словарь синонимов» аббата Рубо (Roubaud; 1730—1792): «*La naïveté s'accorde avec le génie*» («Простодушие [наивность] в ладу с гением»)³⁶

В этом месте словаря Рубо обсуждает (вслед за цитированным выше пассажем Дюкло) синонимы «наивности»: *ingénuité* (свойственная детям), *candeur* («покров невинности»), *franchise* («откровенность»), *sincérité* («искренность»). Таким образом, пушкинское «простодушие» отвечает французской *naïveté*.

³⁴ *Duclos Ch. P. Considérations sur les mœurs de ce siècle. Londres, 1784. P. 209.* Перевод: «...простодушие — первая черта прекрасной души. *Наивность и простодушие можно найти в самом совершенном гении*, и тогда они составляют его самое драгоценное и любезное украшение. Неудивительно, что чернь, недостойная уважать столь редкие преимущества, восхищается тонкостью характера, часто являющейся лишь плодом пристального и постоянного внимания со стороны посредственного ума, движимого интересом. *Бывает, что тонкость оказывается чертой ума, но она никогда не присутствует в высоком уме, если только не обнаруживается в низком сердце. Высокий ум презирает мелкие средства и употребляет лишь великие, то есть простые.*»

³⁵ *D'Alembert J. le Rond. Esprit, Maximes et Principes. Genève, 1789. P. 118.* Перевод: «Со стилем то же, что и с характером: величие и тонкость в них несовместны».

³⁶ *Roubaud P. J. A., l'abbé. Nouveaux synonymes français. Paris, 1785. T. 3. P. 235.*

В русском словоупотреблении конца XVIII — начала XIX века терминология, относящаяся к светскому поведению, имела семантические оттенки, заимствованные из французской культуры. Такие коннотации, относящиеся к изменчивой, быстро эволюционирующей сфере общественной жизни, зачастую оказывались эфемерными и становились малопонятными следующим поколениям. Поэтому учет французской семантики минувших эпох оказывается полезным, позволяя уточнить смысл пушкинских текстов.

Андрей Добрицын

ОБ ОПРАВДАНОСТИ НАРУШЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭДИЦИОННОЙ ПРАКТИКИ Казус «Моей родословной»

Раздумывая много лет назад о подготовке текста и комментария к «Моей родословной» для академического собрания сочинений Пушкина, Лев Сергеевич Сидяков написал небольшую статью, в которой попытался обрисовать проблемы, возникающие перед текстологом и комментатором, готовящим это стихотворение. Текстологическая часть статьи начинается триумфально: «Установление дефинитивного текста “Моей родословной” не составляет большого труда, поскольку его в основном дает беловая рукопись стихотворения, приложенная Пушкиным к его письму к А. Х. Бенкендорфу 24 ноября 1831 г.»¹. Далее ученый, как и положено, оговаривает единственную поправку, которую следует внести в текст: исправить очевидно самоцензурный вариант ст. 18 «Не ваксил барских сапогов» на чтение первого автографа (ПД 925) и всех копий: «Не ваксил царских сапогов». Собственно, именно так и поступали во всех изданиях, начиная с «Красной нивы» (1930), включая большое и малое академические. Казалось бы, вопрос действительно ясный. Но так ли он ясен?

На сегодняшний день известны два автографа основной части стихотворения. Первый из них, ПД 925, — беловой с поправками автограф стихов 1—64 (без «Post scriptum») с датирующей поме-

¹ Сидяков Л. С. Вокруг «Моей родословной»: Проблемы изучения и комментирования стихотворения А. С. Пушкина // *Philologia: Рижский филол. сб.* Рига, 2002. Вып. 4: Миф. Фольклор. Литература. Быт. С. 85.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 40

Санкт-Петербург
2026

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Ответственный редактор
А. Ю. БАЛАКИН

© Авторы статей, 2026
© Пушкинская комиссия РАН, 2026